

Несвободные художники

Работы семьи Аргуновых в Третьяковке

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

В Государственной Третьяковской галерее (в Лаврушинском переулке) открылась выставка «Семья художников Аргуновых», приуроченная к 235-летию Николая Аргунова, а заодно и 275-летию Ивана Аргунова, отмечавшемуся в 2004 году. Произведения династии крепостных художников рода Шереметевых рассматривала ИРИНА КУЛИК.

На выставке в Третьяковке представлено наследие трех Аргуновых: родоначальника династии Ивана Аргунова (1729–1802) и двух его сыновей — Николая (1770–1788) и Якова (1784–1837). История художественной династии Аргуновых тесно связана с историей другого весьма знаменитого и примечательного семейства — графской фамилии Шереметевых, чьими крепостными они были. Иван Аргунов вместе с другими крепостными перешел во владение Петра Шереметева в качестве приданого княжны Черкасской и первым в своем роду овладел мастерством художника; основам европейской портретной живописи он обучался у придворного живописца Гроота. А позднее уже сам обучал художественному ремеслу «спавших с голоса» певчих придворной капеллы. В конце жизни он живописью уже не занимался, получив более почетную обязанность управителя московского дома графов Шереметевых.

Семейную традицию продолжили его сыновья Николай и Яков. Николая в молодости даже отправляли в Санкт-Петербург совершенствоваться в живописном мастерстве. Оба они были освобождены от крепостной зависимости. Николай Аргунов был удостоен звания академика живописи, а Яков, известный не столько как живописец, сколько как гравер, занимался преподавательской деятельностью.

В Третьяковской галерее все три мастера Аргуновых представлены почти исключительно портретной живописью, изрядную долю которой составляют фамильные портреты Шереметевых, что и понятно, ибо живописцев выучивали прежде всего ради комплектации усадебных портретных галерей. Родовитые модели вряд ли удостаивали крепостных портретистов сеансами полноценного позирования. Ивану Аргунову часто приходилось писать и посмертные портреты, пользуясь в качестве оригиналов произведениями других художников, да и прижи-

За искусством Аргуновых стоит целая история крепостного права в России ФОТО АЛЕКСАНДРА МИРИДОНОВА

ненные порой создавались так же — как, например, портрет императрицы Елизаветы. Неудивительно, что подробнее всего на этих парадных изображениях прописаны кружева и детали костюмов. Более лич-

ные отношения с моделью складывались, возможно, тогда, когда художник писал менее титулованных особ — например, любимую воспитанницу Шереметевых девятилетнюю калмычку Аннушку. И да-

же в одном из самых известных произведений Ивана Аргунова, «Портрете неизвестной в русском костюме», теперь предлагается видеть не одетую в народное платье высокопоставленную даму, а крепостную

актрису знаменитого Шереметевского театра Анну Изумрову-Буянову.

Портреты другой звезды того же театра и героини самой мелодраматической истории эпохи — Парашы Жемчуговой, ставшей тайной женой графа Николая Шереметева и умершей от туберкулеза через несколько месяцев после рождения их сына, являются едва ли не самыми прославленными произведениями младшего Аргунова — Николая. Особенно впечатляет портрет беременной Жемчуговой в красно-черном полосатом халате, написанный, дабы засвидетельствовать законнорожденность наследника тайного брака. Портрет этот тоже писался предположительно посмертно: граф объявил о своем браке только после кончины супруги.

Выставка — плод академических исследований, в которых есть свои тихие сенсации. Так, например, целый зал отведен под весьма разношерстные по стилю и качеству картины, ранее приписывавшиеся членам семейства Аргуновых, которые теперь решили считать произведениями неизвестных художников. Но самое главное откровение выставки — это предположение, что полотно Ивана Аргунова, ранее известное как «Портрет неизвестного», на самом деле является автопортретом художника. Кисти, карандаши и циркули в руках героя, ранее считавшиеся атрибутом скульптора или архитектора, отныне признаны орудиями художника, более того, замечено, что они складываются в монограмму «ИА» — Иван Аргунов. Это открытие не просто искусствоведческая казуистика, ибо возвращает к двусмысленности статуса этих художников — не то обученных господами ремесленников, не то настоящих, осознающих себя творцов.

Выставка еще раз убеждает, что русское крепостное искусство — явление уникальное, воспринимающееся со смешанным чувством стыда и восхищения. Каким еще рабовладельцам, кроме этих крепостников-утопистов, «новых русских» елизаветинской эпохи, приходило в голову лепить из своих смердов живописцев, архитекторов и комедиантов, чтобы те навели им вокруг красоту и культуру, в которой подобает купаться просвещенным европейцам, и создавать «из подручного материала» идеально соответствующих их нуждам художников.